

И. И. МОЧАЛОВ

В. И. Вернадский и религия

Религия для нас — не потребность духа, а воспоминание или привычка молодости... Это облеченный огонь.

В. О. Ключевский

< ... > Вопрос об отношении В. И. Вернадского к религии составляет трудность не столько логического или теоретико-познавательного, сколько психологического порядка.

Уже при первом знакомстве с размышлениями Вернадского относительно его, как он говорил, религиозного миропонимания исследователь встречается с разительными контрастами и противоречиями. С одной стороны, Вернадский неоднократно (начиная с 80-х годов XIX в.) подчеркивал, что считает себя человеком религиозным. Но с другой — он совмещает свою религиозность, во-первых, с отрицанием веры в бога и в потусторонние, сверхъестественные силы вообще; во-вторых, с отрицанием связанных с этой верой религиозных ритуалов; в-третьих, с отрицанием всех существующих религий в целом. «Я считаю себя глубоко религиозным человеком, — писал Вернадский. — А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны слова и образы... Бог — понятие и образ, слишком полный несовершенства человеческого»*. «Не есть ли вся религия — недоразумение... Бог есть один из символов нашего разума»**. «Мне его не надо»***. «Принять “откровение” не могу. Религиозные откровения — в частности христианские — кажутся мне ничтожными по сравнению с тем, что переживает-

* Вернадский В. И. Дневник. 1922—1924¹.

** Вернадский В. И. Мысли. 1920—1931.

*** Вернадский В. И. Дневник. 1925.

ся во время научной работы» *. «Мое отрицательное отношение распространяется на все формы живых религий» **. «Слишком много в них мишуры» ***. «По отношению к Христу нет никаких реальных данных о его существовании. Его реальность многими сейчас отрицается — фольклор» ****.

Итак, религиозность — без церкви, молитвы, образов, слов и понятий, в конечном счете — без бога и... без самой религии. Таковы очевидные парадоксы религиозности Вернадского. Как отмечал Ф. Энгельс в «Диалектике природы», «с богом никто не обращается хуже, чем верующие в него естествоиспытатели» *****. К этому можно добавить, что естествоиспытатели религиозные, но в бога не верующие, обращаются с ним еще хуже.

Вернадский как бы согласен с Энгельсом в том, что бог — «противоречив в себе самом» ^{6*}, и это является достаточным основанием для того, чтобы решительно отвергнуть и *веру* в бога. Свою религиозность Вернадский совмещает, таким образом, с очевидно *атеистическими* тенденциями, причем последние относятся не к частным, несущественным сторонам религии, а к ее сущности. «В общем сама идея *божества*, — пишет Вернадский, — теснейшим образом связана с существованием *человечества*. В этом ее самое коренное противоречие. Если человек отрешится от связи божества с человечеством — божество для него исчезнет. Но гипотетическая неизбежность божества только и держится его связью с человеком (верою). Понятно поэтому, что божество переполнено антропоморфическими чертами, — и... наивны попытки “очистить” его, сделать более возвышенным. Этим путем божество исчезает. В науке давно от него отказались» ^{7*}. <...>

На наш взгляд, главная особенность религиозности Вернадского заключается в том, что она находилась не в сфере его идеологии, различного рода концепций, понятий, идей и т. д., а, так сказать, этажом ниже, — в области его психики, различ-

* То же. 1926—1938.

** То же. 1941—1943.

*** Вернадский В. И. Письмо к Е. Г. Ольденбург 26 мая 1943 г.

**** Вернадский В. И. Дневник. 1943—1944.

***** Энгельс Ф. Диалектика природы. 1873—1883 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 20. С. 514.

^{6*} Энгельс Ф. Положение Англии. 1844 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 592.

^{7*} Вернадский В. И. Мысли. 1901—1911.

ных, часто весьма туманных переживаний и настроений, смутных образов, эмоций и т. п. По некоторым интимным записям в «Дневнике», в письмах можно явственно проследить связь религиозности Вернадского с различными эмоциональными состояниями (возникавшими иногда и при чтении религиозной литературы, например Библии).

Эту особенность своей религиозности отмечал и сам Вернадский. «Я чувствую, — писал он, — что *вне рационализации* я глубоко религиозный человек (курсив наш. — И. М.)» *. Вернадский отвергает обычные религиозные представления не только по причине их явно антинаучного характера, но также и потому, что они в их обычном, массовом проявлении не могут выразить всей глубины его собственных эмоциональных переживаний. «Всякое выражение божества кажется мне бледным искажением... так как оно отдаленно не выражает того, что я в глубине себя чувствую» **.

Осознавая свою религиозность в обобщенном виде, Вернадский, в частности, писал: «Чувство религиозное и религиозное переживание, когда оно достигнет известной высоты, несовместимо ни с каким выражением образного и рационалистического характера, которое заключает в своей основе представления или понятия, зависящие от преходящих представлений времени и места. С этой точки зрения должны быть оставлены в стороне все построения теологов, философские, религиозные концепции или создания догмы и культа любой конкретной религии. Они все могут иметь значение только иллюстрации или далекого подхода к действительному святой святых всякой религии, невыразимого в своей основе ни в словах, ни в образах, может быть глубже всего сказывающихся — во внешнем выражении — в музыке, и то только отраженно... Откровение — всякой религии — есть неизбежное ограничение, иногда чрезвычайное сужение того, что может и должно давать религиозное переживание человеческой личности» ***.

Сущность религиозности Вернадского как некоторой эмоционально-психической настроенности можно раскрыть более конкретно: это переживание единства человека с природой, Космосом вообще, единства с живой природой в особенности, чувство космичности жизни и разума, гармонии мира и т. п., то, что А. Эйнштейн однажды назвал «космическим религиозным чувством»,

* Вернадский В. И. Дневник. 1925.

** Там же.

*** Вернадский В. И. Мысли. 1920—1931.

свойственным, по его мнению, многим «серьезным ученым» *. Этим чувством и был наделен Вернадский — ученый, несомненно, в высшей степени «серьезный».

Возникает вопрос: можем ли мы эту эмоциональную настроенность Вернадского, свойственное ему «космическое религиозное чувство» ставить на одну доску с обыденной религиозной психологией верующих, с обыденным, массовым религиозным чувством? На наш взгляд, такое отождествление было бы глубоко ошибочно. Нельзя не видеть, по крайней мере, некоторых особенностей эмоционально-религиозных переживаний Вернадского, существенно отличающих их от обычного религиозного чувства.

1. Религиозные эмоции верующих в массе своей носят, как правило, *конкретно-чувственный характер*. Они отличаются своей образностью, наглядной представимостью и связаны с совершенно конкретными ощущениями — зрительными, слуховыми и др. Напротив, эмоционально-религиозная настроенность Вернадского носит *абстрактно-чувственный характер* настолько *обобщенного* эмоционального переживания, что из него испаряются буквально все конкретные атрибуты специфически религиозного чувства.

2. Религиозные чувства верующих направлены на объекты, *реально не существующие* (бог, ангелы, святые и т. п.). Напротив, эмоционально-религиозные переживания Вернадского имели своим содержанием *вполне реальные* объекты — Космос, жизнь, человека, разум, науку и научное творчество.

3. Религиозные чувства верующих людей сопровождают собой так называемое молитвенное, по существу *иррациональное состояние личности*. У Вернадского они сопровождали, напротив, *вполне рациональное состояние его духа*, выражали прежде всего переживание ученым своей научной мысли, процесса своего научного поиска, философских размышлений.

С религиозным в обычном понимании человеком Вернадского объединяют лишь чисто формальные моменты: как и этот религиозный человек, Вернадский *переживает*. Однако его переживания были столь глубоки и своеобразны, что они уже не могли спокойно уживаться «под одной крышей» вместе с узким, неглубоким и примитивным религиозным содержанием в его прямом и непосредственном смысле.

* *Эйнштейн* А. Религия и наука. 1930 // А. Эйнштейн. Собрание научных трудов. М., 1967. Т. IV. С. 129.

Религиозность Вернадского — это лишь не поддающаяся адекватному словесному выражению («Мысль изреченная есть ложь», — любил повторять ученый слова Ф. И. Тютчева) и в этом смысле интуитивно-подсознательная форма выражения той постоянной внутренней настроенности, самоуглубленности, которые были столь характерны для всего его духовного облика. Ее действительный смысл не может быть понят вне этого общего психологического фона внутреннего «я» Вернадского.

Яркую картину рисует в этом отношении запись в «Дневнике» 22 июня 1923 г., вскоре после того, как Вернадский перешагнул 60-летний рубеж своей жизни: «Вся жизнь и все наиболее большие и глубокие переживания — мгновенны и далеко не достигают хотения.

В любви, в мыслях, в успехах, в достижениях, в глубочайших переживаниях и подъемах личности — всегда, когда начинает подходить разум, — чувствуешь мгновенность и недостаточность пережитого по сравнению с внутренней сущностью! То же — величайшее музыкальное произведение, художественное творение, картина природы. Это все только отдаленное эхо того, чего хочешь. И чувствуешь и в нем то же самое всегда неполное и мгновенное отражение чего-то того, к чему стремишься.

И вот, написавши эти строки, — видишь, что выразить мысль не удалось. И нет сейчас воли и умения выразить яснее.

Но можно ли выразить это образами и словами?

Страха смерти — у меня нет и никогда не было. Чувство мгновенности жизни — чувство вечности и чувство ничтожности понимания окружающего! И себя самого!

Смерть приходит всегда, и окружающее полно ею. Это — неизбежное, как сама жизнь. И также бесконечное?

Я считаю себя глубоко религиозным человеком. Могу очень глубоко понимать значение, силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии для меня ясна не только в том утешении в тягестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую ее как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят, и эти человеческие переживания не касаются тех сторон, которые составляют ее удел.

А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны слова и образы, которые отвечают моему религиозному чувству.

Бог — понятие и образ, слишком полный несовершенства человеческого» *.

* Вернадский В. И. Дневник. 1922—1924.

Сказанное выше означает, что «религиозность» (здесь у нас уже есть все основания поставить это слово в кавычки) Вернадского должна пониматься с большими оговорками. «Религиозность» Вернадского носила лишь *условно-символический характер*, она была связана с воспоминаниями прошлого и старыми традициями, от влияния которых не бывает свободен ни один человек. Живучесть же и стойкость именно религиозных традиций общеизвестны. Стать в позу «всезнающего» критика и «громить» религиозные слабости ученого — дело самое простое, так как здесь все кажется «ясным». Но это — ясность чистой доски, на которой ничего не написано. Гораздо труднее понять и оценить *интеллектуальную силу* ученого, который вопреки сильнейшим и чрезвычайно стойким религиозным традициям сумел, по существу, освободиться от религиозной, как он сам говорил, мишуры и встать на иной, противоположный религиозному путь научных исканий.

Вопрос о «религиозности» Вернадского, для того чтобы получить удовлетворительное разрешение, должен быть преобразован в качественно иной, более широкий и более фундаментальный вопрос о *психологическом, эмоциональном базисе* его мировоззрения. Здесь следует подчеркнуть, что, бесспорно, этот эмоциональный базис был более обширен и глубок, нежели его «религиозная» оболочка. Он мог облекаться в эту оболочку, но мог от нее и не зависеть (что случалось в конечном счете гораздо чаще). В конце концов он прорывал ее узкие рамки и выходил за ее пределы. Эмоциональные переживания ученого лишь по временам облекались во внешне «религиозные» феномены. Это была старая теологическая форма выражения нового психологического содержания, «традиционная» форма проявления внутренних, тесно связанных с процессом научного творчества, отношения к миру и к жизни в целом, эмоционально-личностных и одновременно эмоционально-космических переживаний, — форма, к которой Вернадский невольно обращался, но и без которой он также превосходно обходился.

В мировоззрении Вернадского нет места богу-творцу, он его решительно отвергает, так же как он отвергает потусторонние силы вообще и разного рода, по его выражению, «нечисть». По отношению к себе у Вернадского мы не встречаем даже словосочетания «религиозная вера». Он говорит о себе не как о человеке «верующем», а как о человеке «религиозном». Вернадский делал неоднократные попытки как-то выразить словесно свои «религиозно окрашенные» эмоциональные переживания. Он называл себя пантеистом, гилозоистом и даже язычником. Но ни одно из этих понятий не могло его полностью удовлетворить,

так как не выражало адекватно сущности его эмоционального отношения к себе и миру.

Конечно, «религиозность» Вернадского, при всем ее внешнем, условно-символическом характере, не затронув объективно материалистических научных основ его мировоззрения, тем не менее оказала известное влияние на решение им частных мировоззренческих проблем. Это относится прежде всего к истолкованию природы религии нередко в чисто психологическом плане, в провозглашении мирного сожителства, при соблюдении взаимного «нейтралитета», науки и религии, в истолковании атеизма как своего рода «религии наизнанку» и т. п. По этим причинам естественно-научный материализм Вернадского в целом не стал воинствующим атеистическим материализмом.

Но нет никаких оснований для того, чтобы характеризовать мировоззрение Вернадского как якобы «религиозно-мистическое» *. Еще меньше имеется причин изображать Вернадского в роли некоего «активного» религиозного деятеля, чуть ли не «борца» за какую-то «новую» религию. Характеристики Вернадского как «фанатичного религиозника» **, как «богостроителя, проповедника «очищенной» и «облагороженной» религии» *** с действительностью не имеют ничего общего. Рассуждать подобным образом — значит часть (и к тому же не самую важную) смешивать с целым, видимость принимать за сущность.

Религиозность В. И. Вернадского отдаленно напоминает отношение к религии Аристотеля, который, как отмечают современные исследователи, хотя и был религиозен, в то же время ни в какой особой религии не нуждался ****. По духу гораздо ближе к Вернадскому И. В. Гете, который, как писал Энгельс, «неохотно имел дело с “богом”; от этого слова ему становилось не по себе; только человеческое было его стихией» *****.

* *Деборин А. М.* Проблема времени в освещении акад. В. И. Вернадского // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. мат. и естеств. наук. 1932. № 4. С. 568².

** *Новогрудский Д.* Геохимия и витализм // Под знаменем марксизма. 1931. № 7–8. С. 187³.

*** *Яковлев В. П.* В. И. Вернадский о соотношении науки, философии, религии и морали // Некоторые вопросы исторического материализма. Ростов-на-Дону, 1962. С. 99.

**** *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Аристотель. М., 1982. С. 262, 265.

***** *Энгельс Ф.* Положение Англии. 1844 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 594.